

© 1992 г.

Р.Г. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ

ПРАВДА О ГРУЗИНСКОЙ ЗИМЕ

ГАЧЕЧИЛАДЗЕ Реваз Гивиевич — доктор географических наук, профессор, заместитель директора Института демографии и социологических исследований Академии наук Грузии. В нашем журнале опубликовал статью (1991, N 5).

В конце декабря 1991 г. — начале января 1992 г. в Грузии произошло вооруженное восстание, первое по сути на территории бывшего СССР. В результате президент был вынужден покинуть страну. Взятый на себя все полномочия Военный Совет распустил Верховный Совет Республики Грузия, приостановил действие Конституции 1978 г. (со всеми принятыми многочисленными поправками), создал временное правительство и восстановил действие Конституции Грузинской демократической республики 1921 г. Новый режим начал осуществлять социально-политические реформы — восстановлены права политических партий, средства массовой информации (СМИ) предоставлена большая свобода, вузам гарантировано право выбора ректора, запущены малая приватизация и аграрная реформа, предприняты меры для решения этноконфликтов, сделаны решительные шаги по выводу страны из ситуации внешнеполитической изоляции и т.д. Таким образом то, что не смогла (или не хотела) сделать избранная народом прежняя власть, делает режим, пришедший к власти с помощью насильственных мер. И все же применение силы... в Грузии? Можно ли рассчитывать на понимание мировой общественности? Она в принципе не может одобрить действий, связанных с вооруженным решением каких-либо гражданских проблем.

Нельзя не учитывать, что президентская форма правления была фактически введена во всех бывших союзных республиках, кроме тех, что изначально придерживались преимущественно западной ориентации. За редким исключением, президентами стали бывшие партийные лидеры, которые в преддверии демократических преобразований заблаговременно расширили свои полномочия за счет Верховных Советов, став их председателями (первым такой пример подал генеральный секретарь ЦК КПСС). И среди этих «редких исключений», когда президентами избирались лидеры оппозиции коммунистическому режиму, первым и к тому же наиболее популярным стал Президент Республики Грузия — Звиад Гамсахурдиа. Руководимый им партийный блок победил на многопартийных выборах 28 октября 1990 г. Гамсахурдиа первым пошел на всенародные выборы президента и победил с большим преимуществом. И он же стал первым экс-президентом. В результате вооруженного восстания?

В условиях, когда большинство республик бывшего Союза познало противостояние президентской власти и сложившейся либо формирующейся политической

оппозиции, внимание к «грузинскому прецеденту» не может так просто ослабнуть. Если территория бывшего СССР превратится в эту новую Латинскую Америку — регион классических военных переворотов, то опасность будет грозить всему миру, территория-то буквально перенасыщена огромными ядерными запасами, арсеналами современного оружия.

Словом, «грузинский прецедент» не из числа простых в глазах посторонних наблюдателей. Но прежде всего для самой Грузии зимние события отнюдь не из легких, это тяжкая драма, последствия которой неоднозначны. Что это — мятеж против законного, демократически избранного президента? Преступление, поставившее народ на грань национальной катастрофы? Или же единственный шанс избежать национальной катастрофы, к которой вел режим Гамсахурдиа? Может быть, все-таки был прорыв демократической революции, направленный против национального авторитаризма, прорыв, который, между прочим, положил конец и социалистическому пути развития? Думается, восставшая оппозиция исходила вовсе не из принципа «победителей не судят».

Где истина? Вопрос этот отнюдь не праздный. Для того, чтобы найти ее нужно по крайней мере ответить на несколько вопросов и в первую очередь на тот, который нередко звучит укором демократической оппозиции Грузии: «Почему не был найден мирный, конституционный метод для смещения президента, почему нельзя было подождать до следующих выборов?»

Существовал ли юридический механизм смещения Президента Грузии? К сожалению, нет. Вооруженное восстание, как представляется, стало неизбежным отнюдь не из-за конституционного безвластия президента, а наоборот, из-за сосредоточения чрезмерной власти в его руках. Как ни парадоксально, одна из бед президента в том, что он сам «забыл», чтобы не существовало юридического института, ограничивающего его полномочия. Законом от 14 апреля 1991 г., принятого практически без обсуждения, через пару часов после внесения законопроекта, Верховный Совет Грузии делегировал будущему президенту (своему председателю) всю исполнительную и значительную часть законодательной власти, практически не оставив себе никаких контрольных функций. Фактически не был предусмотрен механизм импичмента или другой мирный способ отставки президента. Конституционный путь смещения главы государства был наглухо закрыт...

Законом не оговаривалось, сколько раз подряд могло одно лицо занимать этот пятилетний пост. Взамен этого Законом вводился предельный возраст кандидата в президенты — 65 лет (который, кстати, после благополучного избрания Гамсахурдиа был увеличен Верховным Советом до 70 лет). Учитывая, что Президенту к моменту избрания исполнилось всего 52 года, теоретически он мог быть избран четыре раза подряд и править страной 20 лет. Конкурентам же предлагалось подождать немного, всего до 2011 года! За такой период можно создать, конечно, хорошо отлаженный репрессивный аппарат, но оппозиции ждать не захотелось.

Кроме того, тот же Закон вводил «ценз оседлости» для кандидата в президенты: пять последних лет проживания в Грузии (этим как раз отсекалась кандидатура Э. Шеварднадзе). По ходу предвыборной кампании в Закон вносились поправки, которые облегчали путь «единственно законному кандидату в Президенты» (так окрестили З. Гамсахурдиа безмерно льстивые СМИ). Можно ли считать такие выборы законными? Таким вопросом задавались многие.

В тот же день, 14 апреля, Верховный Совет Республики Грузия единогласно, безальтернативно и открытым голосованием избрал на пост Президента (не на пост «временного исполняющего обязанности Президента», а именно «Президента») Председателя Верховного Совета Звиада Гамсахурдиа.

На патриотической волне через полтора месяца после этого избрания З. Гамсахурдиа смог получить вотум доверия и на всеобщих президентских выборах 26 мая (заметим, что кампания президентских выборов в США официально

длится девять месяцев, и даже в Российской Федерации она продлилась более двух месяцев, в Грузии же — всего месяц). 3. Гамсахурдиа попросту не счел нужным выступить в теледебатах со своими конкурентами, а верные ему СМИ создали отрицательный имидж последних.

Почему был избран Президентом Грузии именно Гамсахурдиа? Если в других, почти во всех, республиках, как уже говорилось, президентская власть устанавливалась благодаря превращению коммунистических лидеров в «демократов» (и (или) в националистов), то в Грузии этого не было; к 1990 г. компартия Грузии (КПГ) оказалась полностью деморализованной. К моменту президентских выборов КПГ успела сменить за пять месяцев трех первых секретарей, и ни один из них не стал достаточно весомой политической фигурой. Все другие кандидаты (их было пять) в президенты не смогли договориться друг с другом и каждый в отдельности пытался «отнять голоса» у бесспорного фаворита. Избиратель же решил, что «коней на переправе не меняют» и избрал Гамсахурдиа. В голосовании участвовали 82,6% избирателей, из них за последнего проголосовало 86,4%, на второе место вышел В. Адвадзе с 8,1% голосов, остальные получили от 0,3 до 1,7% [1].

Это избрание стало возможным благодаря нескольким факторам. Первый фактор, внешнеполитический по характеру — экстремальная политическая ситуация в СССР, обостренная борьба за выживание распадающейся империи, терпящей явный политический и экономический крах. В Грузии эта борьба принимала очертания поддержки «имперским центром» сепаратистских движений (в Абхазии, Южной Осетии, где 17 марта 1991 г. был проведен референдум о сохранении Союза СССР и получены необходимые «центру» результаты, кстати, вследствие явной подтасовки; между тем Грузия в целом отказалась от проведения этого референдума). Нагнетание напряженности центральными и республиканскими СМИ, разумеется, с разных позиций, способствовало обострению у нации (в особенности у коренного этноса) чувства «осажденной крепости», в условиях которой необходимо консолидироваться вокруг одного вождя. Для Гамсахурдиа была весьма выгодной конфронтация с Южной Осетией: в такой «боевой» обстановке лидера особенно придирчиво не рассматривают и закрывают глаза на ряд его явных недостатков.

Вторым, более постоянным, не конъюнктурным фактором выступило специфическое состояние общественного сознания, возможное только в таком неправовом государстве, каким был Советский Союз. Гражданское общество формировалось в Западной Европе в течение столетий, феодальный порядок исчез давно, например, в Англии, в XV столетии. В Российской же империи (частью которой была Грузия) отмена крепостного строя началась едва ли не за полстолетия до революции 1917 г. В Грузии рыночные отношения и связанные с ними общественные Ценности, необходимые для становления демократии западного типа, коснулись лишь тонкой прослойки населения (впоследствии в основном либо репрессированной, либо смертельно запуганной).

Традиционное феодальное общество, его ценностные структуры оказались очень живучими, даже когда их сменил советский («ленинско-сталинский», «российский», «реальный») социализм. Ведь он по своему содержанию, социальной иерархии, отношению к праву и законности, характеру общественного сознания во многом схож с феодальной структурой. «Демократический централизм», сколь ни было абсурдно это словосочетание, пустил глубокие корни в общественном сознании. Для большинства «советских народов» характерно чинопочитание, подчинение власти, «строгой, но справедливой», стереотип веры в «абсолютный центр всего и всех».

Монопартийное правление коммунистов не встречало нигде серьезного протеста, диссиденты составляли абсолютное меньшинство. Система была тверда («строга»), давала всем прожиточный минимум («справедливо»). И даже появление безвольных или больных генсеков свидетельствовало о прочности, саморегуляции

этой системы. Но перестройка сотрясла устои, у колосса оказались глиняные ноги. Как будто ради грядущей демократии режим стал «нестрог» и «несправедлив». Но ведь известно, тоталитарные режимы не могут быть любимыми «просто так», тем более на окраинах, где национальная идея была лишь временно зашнурована в социалистическую форму.

В Грузии восстановление утерянной сперва в 1801 г., а повторно в 1921 г. многовековой государственности стало заветной, тайной мечтой сперва элитарной части населения, а позже — всей нации. И в XIX столетии, и в советское время грузинская интеллигенция воспитывала народ именно в таком патриотическом духе. Достижение политической независимости Грузии стало чуть ли не самоцелью для подавляющей части нации, никакие экономические и военно-стратегические контраргументы в данном случае не принимались в расчет. Даже компартии Грузии приходилось считаться с таким характером общественного сознания.

Когда «во имя демократии» проводились президентские выборы, любой опытный политик (к примеру, из партократов), строивший свою программу в духе популизма, слегка прикрытого риторикой национализма, мог без труда завоевать доверие народа. Не такова ли была политика «социал-феодализма» в мусульманских республиках, где народ с энтузиазмом проголосовал весной 1991 г. за сохранение Союза ССР, а осенью того же года — с таким же энтузиазмом — за независимость?

А если политический мандат вручен «национальной власти» во главе с «национальным вождем» взамен (или «назло») коммунистической партии, «доказавшей за 70 лет, что она служит иностранному государству»? Почитание нового вождя для народа, воспитанного на традициях авторитаризма, равносильно чуть ли не новой религии. И именно такой поворот характерен для Грузии.

Важен здесь и фактор обусловленности сознания социальной структурой населения. Городской рабочий класс в основном состоит из сельских мигрантов (в подавляющем большинстве это грузины). Люди, оторванные от сельской почвы, но не успевшие прирасти корнями к городу, как правило, с неустроенной жизнью, социально незащищенные. Им просто нужен «отец-кормилец». Крестьяне (в сущности все еще колхозники и рабочие совхозов) за годы советской власти практически отвыкли независимо хозяйствовать, а политически привыкли к беспрекословному послушанию местным руководителям (называются ли они уездными начальниками, секретарями райкома или префектами). Служащие составляют малооплачиваемую социальную группу, которая опирается только на государство (его олицетворяла в советское время компартия, затем формально — блок «Круглый стол — Свободная Грузия», а по сути — Президент Звиад Гамсахурдиа).

Популизм всегда находит благодарный отклик в «простом народе». Резкое снижение личным указом Гамсахурдиа цен на хлеб и общественный транспорт в начале мая 1991 г. (в разгар борьбы за президентский пост), воспринятое его политическими соперниками как предвыборный трюк, было с восторгом встречено массами (кстати, тогдашний председатель правительства Тенгиз Сигуа настойчиво, но тщетно боролся против этого явно политического, а экономически неоправданного шага, который обошелся более чем в полмиллиарда рублей и без того оскудневшей казне). Постоянные угрозы со стороны Гамсахурдиа в адрес «кровопийц народа» — кооперативов, частных магазинов — также импонировали массам.

Реально существовавшая «женская поддержка» Гамсахурдиа, муссируемая СМИ (ее гиперболизируют не очень многочисленные, но весьма агрессивные сторонницы экс-президента), скорее также результат социально-демографической структуры населения. Среди взрослых жителей Грузии женщины количественно доминируют; 10—12% всех женщин — это люди с неустроенной личной судьбой (незамужние, разведенные, вдовы), для которых (возможно, подсознательно)

сильная (мужская) рука, к тому же «патриота», гораздо больше значит, чем «болтовня демократов».

Социологические опросы показывали, что в 1990—1991 гг. Гамсахурдиа опирался на поддержку рабочих (не только грузин), служащих, женщин, пенсионеров, в целом отличающихся невысоким образовательным уровнем. Но они-то и составляли большинство избирателей.

Одним из факторов избрания Гамсахурдиа на высокий пост стал личностный. Социологические опросы показали, что мало кто читал политическую и экономическую программу блока «Круглый стол — Свободная Грузия» (кстати, весьма неплохую, вполне современную и даже демократическую, другое дело, что эту программу никто из «круглых», в том числе их лидер, и не думал осуществлять). Почти также незнакомы избиратели с предвыборными обещаниями Гамсахурдиа. Простой народ голосовал не за программу, а за личность, способную избавить нацию от «коммунистического гнета», и поэтому жаждал довериться самому «надежному антикоммунисту». А таким ему казался старый диссидент, всегда боровшийся против Советской власти и пострадавший от этой власти — Звиад Гамсахурдиа. Сначала в этом народ убеждали и большинство других диссидентов (ныне, кстати, почти все они критики экс-президента), и неуклюжая пропаганда коммунистических СМИ.

Правда, крайнюю позицию занимала так называемая «непримиримая оппозиция», которая в основном бойкотировала и парламентские, и президентские выборы. Она пугала массы своим радикализмом, на чьем фоне национализм Гамсахурдиа казался чуть ли не умеренностью. Между тем, радикальная демократия становится еще более опасной после устранения авторитаризма. В этом Гамсахурдиа оказался прав.

Фактор фальсификации результатов президентских выборов не следует преувеличивать. По крайней мере, социологические опросы, проведенные разными службами до выборов, показывали преимущество Гамсахурдиа. Его соперники получили настолько малое количество голосов, что никто из них не оспаривал личного поражения. Но нельзя сбрасывать со счетов сильнейший нажим на избирателя (в особенности в сельской местности) со стороны местной администрации, поддерживавшей Гамсахурдиа. В этом плане интересно отметить, что по официальным данным относительно низкий процент голосовавших за президента были в Тбилиси и Батуми. В городах в целом был ниже и процент участия в выборах. В самой столице наибольший процент голосовавших за оппозиционных кандидатов был в «элитарных» избирательных участках (районы Ваке, Мтацминда, Сабуртало), где труднее «влиять» на избирателя.

Есть еще один, хотя и недостаточно проверенный фактор. Некоторые наблюдатели с самого начала ренессанса политической карьеры Гамсахурдиа (с 1988 г.) подозревали, что он, в 1978 г. по телевидению покаявшийся в грехах и прощенный коммунистами диссидент, пребывает в альянсе с секретными службами «центра». Позднее эти наблюдатели в качестве доказательства приводили легкость, с которой якобы компартия Грузии «отдала власть» блоку «Круглый стол — Свободная Грузия», и то, что Президент СССР М. Горбачев, часто не жалевший резких слов в отношении Ландсбергиса или Ельцина, ни разу прямо не критиковал Гамсахурдиа, и то, что республиканские МВД, КГБ, Прокуратура, подчиненные лично Президенту Грузии, продолжал финансировать «центр». Даже двусмысленная позиция, занятая Гамсахурдиа в дни августовского путча (1991 г.), как будто показывала эту связь. На самом деле в прямом альянсе между Гамсахурдиа и «центром» (ЦК КПСС, КГБ, МО и т.д.), очевидно, и не было необходимости. Простой расчет показывает, что компартия Грузии (как и КПСС в целом) теряла почву под ногами. В Грузии она не могла справиться с народным недовольством (в особенности после кровавых тбилисских событий 9 апреля 1989 г.) и скорее всего проигрывала парламентские выборы. В таком случае для «центра» было бы лучше, чтобы власть перешла не к почти неизвестным (хотя и умеренным,

и достаточно умным) представителям центристских партий, а к известному властному, амбициозному, конфликтному лидеру, не имевшему ни опыта управления, ни сильной команды. Такой человек либо должен был опереться на старые советские структуры, старые экономические связи и старые кадры (как и произошло на самом деле), либо наломать дров, чтобы потом в качестве «плохого мальчика» сгодиться для примера другим «строптивым» (и это произошло). Таким образом, «центр» играл в Грузии беспроигрышно, не препятствуя Гамсахурдиа ни в получении власти, ни в расширении ее до абсурда. В этом эксперименте роль подопытного кролика отводилась народу Грузии. Но, правда, он сам полез в силки, голосуя за Звиада, не слушая слабого голоса совести.

А этой совестью была интеллигенция. Правда, сперва только ее часть. Например, Общество Ильи Чавчавадзе, философ Мераб Мамардашвили, писательница Наира Гелашвили и некоторые другие с самого начала публично предупреждали об опасности неолевизма. Интеллигенция стала консолидирующим ядром оппозиции новому авторитаризму. Именно наличие достаточно широкой интеллектуальной прослойки даст шанс народу Грузии быстрее пройти трудный путь к гражданскому обществу. Другой, в последствии еще более весомой оппозицией авторитаризму обещает быть нарождающийся класс деловых людей (пока же весьма неоднородный, включающий в себя и явных дельцов теневой экономики, для которых режим Гамсахурдиа не помеха).

Был ли Президент Грузии диктатором? Это существенный вопрос. И ответ на него труден. Здесь недостаточно, чтобы некоторые политические противники назвали его «явным диктатором», а иные — «слабым диктатором». То, что ярые сторонники обвиняли Президента в «мягкости» по отношению к оппозиции, тоже не аргумент в пользу его «демократизма». Лучше все же судить по делам. Но сперва хочу напомнить, как Аристотель описывал тиранов в своем труде «Политика»: «...большинство тиранов вышли, собственно говоря, из демагогов, которые приобрели доверие народа тем, что чернили знатных... Один способ возможного сохранения тирании состоит в том, чтобы „подрезать“ всех чем-либо выдающихся людей, убирать прочь с дороги всех отличающихся свободным образом мыслей... следует возбуждать среди сограждан взаимную вражду и сталкивать друзей с друзьями, простой народ со знатными... Тираны склонны также вести войны, чтобы подданные не имели свободного времени и постоянно нуждались в предводителе... тирану свойственно не доверять друзьям, так как именно они скорее всего могут осуществить то, чего желают все... рабы и женщины не злоумышляют против тиранов, напротив, пользуясь благоденствием те и другие, разумеется, благосклонно относятся к тираниям... тираны рады, когда им льстят, а этого не станет делать ни один свободный человек, обладающий разумом... тирания может пасть только тогда, когда некоторые граждане будут доверять друг другу, поэтому тираны — враги порядочных людей... из-за женской наглости многие тираны пришли к гибели» [2]. Воистину, древние классики писали на все времена!

То, что авторитаризм, иногда называемый диктатурой (что не совсем точно), в Грузии формировался, не вызывает сомнения. Проявлением авторитаризма стали закрытые (даже без публикации стенографических отчетов) заседания Верховного Совета с открытым голосованием по всем пунктам; присутствие и активное вмешательство Президента в работу сессий Верховного Совета, изгнание оттуда лиц, негодных Гамсахурдиа, под предлогом «пропуска сессий», полный волюнтаризм в толковании Закона о лишении лиц, совмещающих должности с депутатскими полномочиями, депутатского статуса, лишение более четверти членов Верховного Совета (коммунистов) депутатских мандатов под надуманным предлогом, а в действительности с целью сокращения парламентской оппозиции; приостановление на неопределенное время действия Закона о политических партиях, назначение и смещение Президентом руководителей местной администрации — префектов, которым предоставлена почти неограниченная

власть на местах, борьба с проведением истинно рыночных реформ (например, вето Президента на законопроект о предпринимательстве под предлогом отсутствия подчиненного лично ему департамента государственного контроля); переподчинение ряда ключевых министерств непосредственно Президенту; фактическое закрытие доступа на телевидение и радио лицам, выражающим мнение, не совпадающее с мнением власти; ужесточение контроля над СМИ (например, газета «Молодежь Грузии» фактически была закрыта под предлогом нехватки для нее бумаги, а на самом деле из-за допущенной критики режима, редактор газеты «7 дгс» подвергся гонениям из-за публикации, критикующей префектов, была закрыта газета «Ахалгазда Ивериели»; фактически президентом назначались редакторы всех ключевых газет и т.д.); отмена права выбора ректоров вузами (дарованного еще коммунистическим режимом в 1987 г.) и назначение их лично Президентом, незаконные арест и длительное содержание под стражей политических заключенных (им предъявлялись абсурдные обвинения в уголовных преступлениях, которые власти так и не смогли доказать в судебном порядке); разжигание этнических конфликтов, в результате которых беженцами стали как осетины, так и грузины (Гамсахурдиа предпочитал рубить сплеча «гордые улы» национальных проблем, отнюдь не будучи Александром Македонским); противопоставление частей нации друг другу по признакам «провинция—провинция», «село—столица», «народ—интеллигенция», вплоть до такой бессмыслицы, как «женщины против мужчин»!

Вряд ли без указа свыше «свободные энергетики» неделями оставляли бы без электричества целый город (Цхинвал); «гордостью» Президента было то, что в апреле 1991 г. железнодорожники Самтрелиа устроили «блокаду Северо-Кавказской железной дороги» (а фактически нанесли урон чуть ли не в полмиллиарда рублей самой Грузии и почти такой же — Армении); по его же приказу в Тбилиси почти месяц не печатали московские газеты, а телевидение не показывало московские программы.

В СМИ и на постоянных информационных митингах перед зданием Верховного Совета велась разнузданная аморальная кампания против наиболее именитых представителей грузинской интеллигенции (в том числе против журналистов), и тон задавал сам Президент. С его же молчаливого согласия ярые сторонники Президента из «постоянно действовавшего» палаточного городка перед Верховным Советом терроризировали депутатов-оппозиционеров. Власти периодически перекрывали движение на главной магистрали столицы — проспекте Руставели, и часто там звучали истеричные призывы собраться на митинги сторонников Президента (в том числе «с оружием в руках»)..

Экономические связи с бывшими союзными республиками были разрушены; зарубежные партнеры стали бояться подписывать договоры с правительством, которое способно нарушить контракт через день после его подписания. Иностранцы брали интервью у словоохотливого Президента и позорили нацию на весь мир. Никто не желал устанавливать дипломатические отношения с государством во главе с одиозным лидером. Недостижимым условием государственной независимости стало признание Грузии де-юре, которое задерживалось по причине нарушения прав человека. А эти нарушения исходили непосредственно от Президента.

Некоторые сторонники экс-президента считают не совсем честным во всем винить лично его: вместе со Звиадом Гамсахурдиа виноваты, мол, члены его семьи, активно вмешавшиеся в государственную политику, и многочисленные проходимцы, которыми он себя окружил. Но ведь это же вина главы государства!

Что обусловило падение Президента Грузии? Начало совпало с падением коммунистического режима в России. Двойная игра с ГКЧП привела Гамсахурдиа к обретению вооруженного противника в лице Национальной гвардии Грузии. 19 августа одним росчерком пера Президент превратил гвардейцев в милиционеров

(или в жандармов) и снял с должности главнокомандующего — Т. Китовани. С этим не согласились.

На самом деле отношения З. Гамсахурдиа со своими верными соратниками (в том числе с Т. Китовани) были испорчены еще раньше. 16 августа подал в отставку глава правительства Т. Сигуа, уже давно не соглашавшийся с вопиющим волюнтаризмом Президента в экономических, кадровых, внешнеполитических и других вопросах. В тот же день был уволен министр иностранных дел. Даже текст о реорганизации (фактически же — роспуске) Национальной гвардии и снятия с поста ее командира был подготовлен до 19 августа. ГКЧП «подоспел» как нельзя кстати, и на его деятельность легко был списан этот факт; ведь советские генералы требовали роспуска всех военизированных формирований.

Через несколько дней, правда, пришлось горько пожалеть о такой интерпретации событий («спасали, мол, новобранцев от гибели»). Именно такое объяснение (от которого уже нельзя было откреститься) стало поперек горла защитникам Президента — как ни крути, никак нельзя было назвать подчинение приказам ГКЧП патриотическим делом.

Произошло то, что всегда, как правило, губило авторитарный режим: восстали его собственные вооруженные силы. Одновременно в Верховном Совете Грузии активизировалась оппозиция, значительную ее часть составили депутаты правящего блока. Все это предредило судьбу Президента, не успевшего собрать вооруженные силы, способные расправиться с «мятежниками». Внепарламентская демократическая оппозиция, доселе беззащитная и поэтому бессловесная, получила свой шанс. Отдельные митинги в ее поддержку уже собирали до 50 тыс. человек. Разгон мирной демонстрации 4—5 октября оказался пирровой победой для режима авторитаризма.

Но наиболее чувствительным ударом для властей оказалась конфронтация со студенчеством. Самая образованная, прогрессивно мыслящая, бескорыстная молодежь, которую трудно обвинить в каких-то личных счетах или старой неприязни к Президенту, решительно разоблачала всю безнравственность, аморальность, негуманность и недемократичность режима. Критика со всех сторон усиливалась. Массовая база оппозиции режиму стала реальностью. Именно эта база поддерживала моральный дух не сдававшейся Национальной гвардии. Между тем Президент не шел ни на минимальные уступки оппозиции, ни на компромиссы.

К началу декабря развалился Советский Союз, а на его месте появились независимые государства, вступившие в Содружество. Президенту Грузии вроде бы тоже нужно вступить в это Содружество и тем самым укрепить свое шаткое положение. Но он слишком долго маневрировал и в конце концов перехитрил самого себя. В день подписания договора об СНГ (Алма-Ата, 21 декабря) Верховный Совет Грузии уже был окружен мирными демонстрантами. А на следующее утро на военную провокацию, от которой не смогла удержаться правящая клика, Национальная гвардия ответила огнем...

Население столицы поддержало восстание, а население большинства провинций Грузии, несмотря на приказ о мобилизации, изданный Президентом, и его призывы о срочной помощи, не пожелало спасти своего «избранника». Даже Грузинская Православная Церковь объявила о своем нейтралитете, а по существу не проявила сочувствия по отношению к обанкротившейся «национальной власти». Этнические меньшинства внешне также соблюдали нейтралитет, втайне сочувствуя восставшим.

Во время боев охрана Президента выжгла центр города, дабы помешать укрепиться восставшим. Но это не помогло. Рано утром 6 января Гамсахурдиа бежал из своего бункера в соседнюю Армению, а позже перебрался в Чечню и попытался оттуда разжечь пламя гражданской войны в Грузии.

Высказывалось мнение, что народное восстание в Тбилиси на рубеже 1991 —

1992 г. против авторитарного режима способно искупить позор нации за ту, чуть ли не роковую ошибку, допущенную, когда она проголосовала за недостойную личность [3]. Пролилась большая кровь, выгорел центр столицы, избранный народом Президент свергнут. Если это попросту мятеж с целью захвата власти конкурирующей стороной, политическими соперниками, то ему нет оправдания. А если — революция?

Обратимся к теории. Ведущий английский социолог Энтони Гидденс, суммируя западные концепции революции, предлагает следующие ее критерии:

1. Серия событий не является революцией, если не связана с массовыми социальными движениями. Это условие вводится для того, чтобы исключить тот случай, когда какая-либо партия приходит к власти через избирательный процесс, или же власть захватывает небольшая группа, например, армейские генералы.

2. Революции ведут к процессам значительных реформ или изменений. Это предполагает, что те, кто берут власть, должны быть более способны управлять обществом, над которым они устанавливают контроль, чем те, кто свергнуты; новое руководство должно быть способно достичь хотя бы некоторых из поставленных целей. Иначе, если движение формально получает внешние атрибуты власти, но затем не в состоянии эффективно управлять обществом, то оно не может считаться революционным. Скорее всего это общество находится в хаосе или в процессе дезинтеграции.

3. Революции предполагают угрозу или использование силы со стороны участников массового движения. Революция — это политические изменения, вызванные сопротивлением прежнего руководства, которое не удалось уговорить расстаться с властью без угрозы или фактического применения силы.

Суммируя эти три критерия, революцию можно определить как взятие власти с помощью насильственных методов лидерами массовых движений, когда эта власть затем используется для начала значимых процессов социальных реформ [4].

Грузинские события на рубеже 1991 — 1992 гг., пожалуй, удовлетворяют всем критериям революции:

1. Движение демократической оппозиции имело массовую базу — ее поддерживали практически все политические партии, кроме входящих в правящий блок, но и там произошел раскол. Оппозицию поддерживала значительная часть интеллигенции, деловых людей, средних слоев, крестьяне многих регионов, студенчество. Без такой поддержки Национальная гвардия не решилась бы выступить. Конечно, немалое число людей осталось на стороне экс-президента, часть их дезинформирована, либо это люмпенизированные элементы, которых не касаются никоим образом нарушения прав человека, для которых главное — хлеб и зрелища (хотя бы в форме шоу-митингов перед Верховным Советом). По понятным причинам немалая часть оскорблена тем методом, каким перечеркнут ее выбор. Но при любой революции есть и контрреволюция, есть своя Вандея.

2. На фоне режима Гамсахурдиа, который был явно заинтересован в сохранении старых, социалистических структур, государственной собственности (это лучшее средство укрепления тоталитарного общества) и вел дело к монопольному правлению, без какой-либо оппозиции, первые шаги новой администрации показывают ее заинтересованность в проведении значительных социальных реформ: происходит реальная демократизация политической жизни, начата аграрная реформа, принимаются меры по приватизации. Другое дело, если катастрофическое экономическое положение будет тормозить проведение этих и других реформ. Неизбежная либерализация цен (Грузия ведь находится в «рублевой зоне») и не может не оглядываться на экономическое развитие той страны, где печатаются рубли) вызывает серьезную социальную напряженность, это тоже препятствие для реформ. Но уже чувствуется, что Государственный Совет способен управлять обществом эффективнее.

3. Оппозиция была вынуждена применить силу для захвата власти. И так, произошла, возьму на себя смелость утверждать, революция (правда, не «пролетарская»). Конечно, она связана с насилием и вряд ли может считаться идеальным шагом на пути достижения реальной свободы (в первую очередь — личности, затем — нации), демократического развития.

Хочется надеяться, что удалось хотя бы схематично показать, какова была роль нашего первого руководителя, во многом спровоцировавшего общество на эту вынужденную меру. И да послужит «грузинский прецедент» предостережением для других приверженцев личной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Президентские выборы Республики Грузия // Свободная Грузия. 1991. 2 июля.
2. *Аристотель*. Собр. соч. в 4-х томах. Т. IV. М.: Мысль, 1984.
3. *Гачечиладзе Р.* Что нас ожидает в будущем // Дрони (на груз. яз.). 1991. 1 февр.
4. *Giddens A.* *Sociology*. Polity Press, 1991.